

В.Д. Орлова,
преподаватель Тамбовской духовной семинарии,
кандидат исторических наук, доцент

Рукоделия насельниц Тамбовского Вознесенского женского монастыря в середине XIX – начале XX века

Тамбовский Богородичный Вознесенский женский монастырь в 1903 году был единственным необщежительным монастырем в епархии из 12 женских и 7 мужских¹. В необщежительном монастыре в XIX веке монахи имели общую трапезу и молитву, а все необходимое для себя (одежду, жилище и пр.) «приобретали сами на даваемое им жалование или на доходы от богослужения и от разного вида монастырского «трудолюбия», произведения которого могут идти в продажу»².

В начале XIX века все тамбовские монахини жили в своих бревенчатых кельях, которые переходили из рук в руки или по наследству, или же путем купли-продажи. Это были рубленые избы. Например, келья монахини Миропии (Аденковой) «была ничто иное, как простая 7 на 8 аршинная деревянная изба, крытая тесом, нештукатуреная, с русской печью в углу. Вход в келию вел через маленькие сени, на лицевой стороне которых было очень маленькое оконце, закрывавшееся изнутри деревянною задвижкой»³.

К началу XX века были построены кирпичные корпуса. Антоиевский корпус с домовою церковью предназначался для больных и престарелых монахинь. Лишившиеся физических сил для посещения Скорбященского и Вознесенского храмов на территории монастыря, немощные насельницы молились в домовою церкви. В этот корпус иногда переводились тяжелобольные монахини из других монастырей. В нем были введены общежительные порядки. Деревянные кельи по-прежнему продавали или сдавали в аренду. На любительских фотографиях 1930-х годов видна

¹ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 82.

² Энциклопедический словарь / сост. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1896. Т. 38. С. 731.

³ Цветаев А. Миропия (Ивановна) Аденкова. Монахиня Тамбовского Вознесенского женского монастыря. Тамбов, 1914. С. 5.

плотная застройка монастырской территории небольшими домами. В 1960-е их все еще называли кельями. Были квартиранты и в двухэтажном каменном доме, в первом этаже которого жила мужская монастырская прислуга⁴. В 1911 году в монастыре, кроме настоятельницы, казначеи и 73 манатейных монахинь, были 137 рясофорных послушниц, 391 послушница-белица, живших на испытании, а также 45 престарелых девиц, вдов и сирот, «квартирующих в кельях монахинь»⁵.

По воспоминаниям бабушки (по отцу) автора статьи Веры Михайловны Молчановой-Орловой (1900 года рождения, дочь и сноха священника), Вознесенский монастырь сдавал вдовам так называемые «откупные кельи». Их обитательницы приобретали право на жительство в монастыре, внося деньги в рассрочку. Выплатив довольно значительную сумму, они переезжали туда. В зависимости от выплаченной суммы предоставлялась комната, называемая кельей, или часть бревенчатого дома. Вдова могла жить с незамужней дочерью или осиротевшей внучкой любого возраста. Убранство откупной кельи должно было соответствовать этикету вдовства. Но, разумеется, в интерьере были многочисленные мирские бытовые вещи. Вдова была обязана подчиняться монастырскому распорядку, посещать все службы и вносить свою сильную лепту в монастырские рукоделия. Вдовы носили не монастырскую, а мирскую траурную одежду, соответствующую их сословию. Им разрешалось ненадолго покидать территорию монастыря и выходить в город за покупками, для встреч с родными и друзьями. Но к закрытию ворот полагалось вернуться в келью. Принимать гостей на монастырской территории запрещалось. Бедные вдовы питались с монастырского стола, а богатые заказывали блюда в городе. Больные и престарелые пользовались уходом послушниц и монахинь.

Усопшие вдовы погребались монастырским радением на городском Крестовоздвиженском кладбище и вносились в монастырское поминание. Имущество умершей переходило к монастырю. Ее откупная келья сдавалась вновь. Если у вдовы оставалась дочка или внучка-сирота, то монастырь брал на себя попечение о девушке.

⁴ Историко-статистическое описание Тамбовской епархии / под ред. А.Е. Андриевского. Тамбов, 1911. С. 855.

⁵ Там же.

Она могла учиться в сиротском училище, потом работать в монастыре и копить на приданое, продолжая проживать в нем. Таким образом, население монастырской территории всегда было больше, чем количество монахинь и послушниц.

Подобная практика социальной помощи нуждающимся была не только в Тамбовской епархии. Проживавшие в женских монастырях вдовы в основном принадлежали к духовному сословию, хотя встречались и обедневшие дворянки. Свекровь В.М. Орловой – супруга священника Василия Ивановича Орлова в Паревке Елена Федоровна Орлова – овдовела в 1892 году. На руках матушки остались три мальчика семи, четырех и двух лет. Хотя Елена Федоровна была еще молода, она, не желая в будущем стеснять кого-то из сыновей и пользоваться милостью снохи, сразу же стала выплачивать взносы за келью в Вознесенском монастыре. Средства на проживание с сыновьями и взносы в монастырь она зарабатывала, учительствуя в земской школе. Однако туберкулез прервал земную жизнь матушки Елены в 1893 году, и она была похоронена в Паревке. Уже уплаченные монастырю взносы за откупную келью не возвращались. Мальчикам был назначен опекун от епархии, который по мере достижения ребенком десятилетнего возраста определял его в первое Тамбовское духовное училище на казенный кошт как круглого сироту священнослужителя. В год смерти матери будущему мужу Веры Михайловны Дмитрию Васильевичу Орлову было 5 лет. Он был средним братом. В дальнейшем подробности о взаимоотношениях матери с Вознесенским монастырем узнал от опекуна и старшего брата. Пока матери позволяло здоровье, она с сыновьями ездила в Тамбов на богомолье и показывала детям обитель, которую выбрала себе на покой. Она очень надеялась, что, став взрослыми, ее мальчики не забудут там ее навещать.

Доходы монастыря от сдачи келий, вероятно, документировались как пожертвования. Отдельной строкой в документах они отсутствуют. Кроме пожертвований, обитель жила на средства от процентов с капитала и продажи рукоделий. В уникальной рукописной книге по истории Вознесенского монастыря перечислены все виды женских работ, в которых были искусны тамбовские монахини в первой половине XIX века. С первых лет его существования в ризнице было много воздухов, фелоней, подризников,

и стихарей, которые не обязательно шились из дорогих материй, но покрывались искусной вышивкой.

Клирик монастыря в 1830-е годы Василий Ионин писал: «Главный и существенный источник его содержания проистекает от его рукоделий. В нем производятся следующие работы: 1) ткуются и чернятся монашеские для мантий и рясок сукна, которые отпускает он разным обителям на значительные суммы; 2) работаются архиерейские и архимандричьи шапки; 3) вышиваются серебром и золотом разные вещи, как то: святые иконы, церковные облачения, эполеты, воротники на мундиры служащих и прочее; 4) обкладываются святые иконы фольгой; 5) плетутся кружева; 6) бисером нижутся ридикюли, шнурки, кошельки и прочее; 7) шьют белье разного рода; 8) прядут и ткут холст, впрочем, сим рукоделием занимается низший класс послушниц, и то лучшего холста не вырабатывают; 9) стегаются одеяла. Таким образом, монастырь трудами своими служит и отечеству, которым охраняется и которым он должен самым бытием своим, и себя самого содержит»⁶.

Только задумайтесь, ведь это информация о временах А.С. Пушкина! Мы знаем о золотой вышивке в Торжке, сквозь который поэт проезжал и покупал в подарок знаменитые шитые золотом пояса в подарок. Но тогда же, и вряд ли хуже, в этой дорогой и сложнейшей технике вышивали церковные и мирские вещи насельницы Тамбовского Вознесенского монастыря. Наш город был городом чиновников и военных, форменная одежда которых обязательно украшалась серебряным и золотым шитьем. Но среди городских ремесленников тех лет нам неизвестно о золотошвеях в Тамбове. Следовательно, рукодельницы Вознесенского монастыря своим кропотливым трудом покрывали эти потребности.

Монахини, по традиции, занимались шитьем и вышивкой церковных облачений, пелен и воздухов. Многие игуменьи Вознесенской обители происходили из семей дворянства и духовенства, в которых обучение дочерей тонким разновидностям вышивки

⁶ ГАТО. Библиотечный фонд. Историческое описание Тамбовского Вознесенского девичьего трехклассного монастыря, собранное трудами монастыря того иерея Василия Ионина из архива, хранящегося при оном из документов, из свидетельства многолетних старец и других лиц, заслуживающих доверия. 1837 года июня. Рукопись. Л. 22.

было обязательным. От них эти навыки могли переходить и к сестрам крестьянского происхождения. Игуменья Павла не умела читать и писать, но свободное от молитв и слушания душеспасительных книг время проводила за «рукоделием, свойственным полу ея»⁷. Монахиня Миропия в миру была дворянкой, а в монастыре стала ризницей и «починяла ризы»⁸. В первую очередь на церковных облачениях изнашивалась вышивка серебром и золотом или вытканые этими нитями участки парчи. Их ремонт был более сложным делом, чем новое вышивание. Иногда вышивку золотом искусно имитировали шелковыми нитками соответствующих оттенков. Послушницы и опекаемые монастырем вдовы и сироты шили и вышивали на заказ и на продажу вещи для горожан, используя обычные ткани и нитки.

Моя бабушка (по матери) Прасковья Матвеевна Быкова (1884 года рождения, крестьянка) на мое рождение в 1958 году подарила вышитое полотенце монастырской работы. Оно, по народному обычаю, должно было стать первым предметом приданого внучки и служить девочке образцом рукоделия высочайшего уровня, своего рода «прописями для иголки». Купила ли она его или после войны получила в дар в приходе Покровской церкви на чей-то помин, не знаю. Бабушка умерла, когда мне было четыре года.

Полотенце вышито по фабричному белому батисту плотной белой гладью, которую исполнила искусная, уверенная рука. У вышивальщицы наверняка было отличное зрение, так как сделать мережки-сетки на полупрозрачной материи трудно, и нежные руки, за которые не цеплялись тоненькие нити. Использованные ею хлопчатобумажные нитки, минимум трех видов, были фабричного производства. Среди гладьевых швов на полотенце соединились швы для мира и для храма. Если атласная гладь и гладь по настилу применима и там, и там, то теневую гладь, мережки и французские узелки можно выполнить только на тонких материях, из которых для церкви ничего не шили. Лепестки цветов вышиты четырьмя сложными гладьевыми кроющими швами,

⁷ ГАТО. Библиотечный фонд. Историческое описание Тамбовского Вознесенского девичьего третьеклассного монастыря, собранное трудами монастыря того иерея Василия Ионина из архива, хранящегося при оном из документов, из свидетельства многолетних стариц и других лиц, заслуживающих доверия. 1837 года июня. Рукопись. Л. 9.

⁸ Цветаев А. Указ. соч. С. 6.

которые используют и в шитье металлической нитью. Именно такими швами вышивали золотые и серебряные цветы на облачениях духовенства, покрывах и пеленах. Можно предположить, что молодая женщина на белой вышивке набивала руку для того, чтобы ей доверили шитье золотом. Так как на полотенце есть монограмма, то оно было исполнено на заказ для богатого приданого.

Торговля монастырскими рукоделиями, выполненными на продажу, велась на ярмарках у монастырских стен. В большие праздники на богомолье стекались многочисленные паломники. Среди них преобладали крестьянки. Богомолье в престольный монастырский праздник Вознесения начиналось с предыдущего воскресенья, а оканчивалось после праздничной литургии⁹.

Не только монахини, но и тамбовские горожанки спешили со своими изделиями на ярмарку на берег протекавшей вдоль монастырских стен речушки Гаврюшки. Самым трогательным товаром в их руках были тряпичные куклы из лоскутков фабричных тканей. Они предназначались для крестьян, искавших городские гостинцы дочкам. Не домотканый, а ситцевый и, тем более шелковый, наряд игрушки делал ее бесценной в глазах деревенской девочки.

В 1881 году в Тамбовских губернских ведомостях была заметка о Вознесенской ярмарке. «Вознесенская ярмарка, насколько известно, существует очень давно, и всего вероятнее, со времени построенного в городе Тамбове Вознесенского Девичьего монастыря, при котором она ежегодно открывается накануне престольного праздника Вознесения Господня. Отсюда произошло и название ее. Для бедных жителей эта ярмарка служит важным подспорьем в их жалкой и скудной жизни. Недели за две до открытия ярмарки бедный класс жителей города ежегодно трудится над изготовлением для продажи, из ненужной в доме ветоши, разных сельских дешевых нарядов, как то: фуфаяк, кофт, фартуков, чепчиков, шапок, шапочек, кисетов и кукол разной величины и разного достоинства, последних приблизительно изготавливается 10 000 штук... Куклы продаются от 2

⁹ ГАТО. Историческое описание Тамбовского Вознесенского девичьего третьеклассного монастыря, собранное трудами монастыря того иерея Василия Ионина из архива, хранящегося при оном из документов, из свидетельства многолетних стариц и других лиц, заслуживающих доверия. 1837 года июня. Рукопись. Л. 20.

до 6 копеек, в среднем же до 4 копеек за штуку, которых раскупают на сумму не менее 300 рублей, а в урожайный год и до 400 рублей. Покупателями являются пришедшие на богомолье крестьяне и крестьянки, которые за 3 дня до праздника массами стекаются в город из разных окружных сел и деревень»¹⁰. Чтобы современный читатель понял стоимость куколки, скажем, что белая булка весом в полкилограмма стоила тогда 5 копеек, а поденщица за двенадцатичасовой рабочий день зарабатывала 8–10 копеек.

В 1918 году Вознесенский монастырь был закрыт, разграблен, но продолжил свое существование как трудовая артель. В нее входили все обитательницы монастырской территории. Рукоделие осталось единственным средством для их выживания. В 1927 году монастырь окончательно ликвидировали. Многие монахини были репрессированы. Но советская власть не предъявила никаких претензий к обитательницам откупных келий. Все жилые помещения обители были причислены к фонду городского коммунального жилья. Больше не связанные монастырскими правилами молодые вдовы и старшие сироты заключали браки, приводя мужей в кельи. Город давал освобождавшиеся комнаты людям, не имевшим отношения к монастырю, и он превратился в огромную советскую коммуналку. Но еще долго горожанки ходили в эти стены за портновской работой высочайшего класса.

Монастырская портниха моей мамы жила в келье Антониевского корпуса. Последний раз я была в нем в 1966 году, когда она сшила мне драповое пальтишко, в котором я пошла в первый класс. У мастерицы на втором этаже была маленькая светлая комната с высоким потолком. Вход в комнату (мама называла ее кельей) был из длинного коридора.

Кроме пошива платьев и пальто, Мария Семеновна умела искусно делать цветы из ткани, очень похожие на настоящие. Мама прикалывала их букетики к платьям. Я обожала матерчатые красные маки на своей меховой белой шапочке. С помощью портнихи меня наряжали как барышню. В те годы я не знала, что в России именно женские монастыри славились изготовлением высококачественных искусственных цветов для украшения киотов с иконами. Оранжереи были редкостью, и поэтому в холодное время года

¹⁰ ТЭВ. 1881. 26 мая.

было негде брать живые цветы для храмов. Вот и выходили из-под рук монастырских мастериц фиалки, ландыши и розы, натурального размера и почти натурального вида. Их делали из крашеного воска или шелка и бархата. Особого мастерства требовало изготовление венков для невест из отбеленного воска. В них нужно было имитировать веточки цветущего апельсинового дерева. Монастырские цветы были несравненно красивее дешевеньких городских бумажных цветочков для похорон и украшения куличей.

Мамина портниха была старенькой и вскоре умерла. Мы ее очень жалели, была она одинокой. Больше ни одна другая не умела так хорошо шить для мамы. Мне тогда не полагалось спрашивать, а кем знакомый взрослый был до революции. К семи годам советский ребенок шестидесятых годов хорошо знал, что плохо быть «бывшим», но обижать его за это уже нельзя, т.к. революция была давно.

Тамбовские старухи в начале 1970-х годов нередко, в назидание внучкам, вспоминали о красивейшем детском, столовом и постельном белье с вышивкой белым по белому, о дивной красоты стеганых одеялах для приданого, которые выходили из-под рук обитательниц Вознесенского монастыря. Там заказывали и крестильные рубашечки (их шили длиннее, чем до пят малыша), чепчики, подушки (на них держали крошечных крестников, которым не было и 40 дней) и белоснежные одеяльца. Эти вещи бережно хранились в старых городских домах до последних часов жизни их хозяек. Девчонкам удавалось потрогать эти реликвии только во время летней сушки бабушками и соседками вещей из сундуков.

В детстве я видела старое двуспальное одеяло монастырской работы у маминой сестры. Крытое плотным матовым ярко-синим шелком, до стежки оно было вышито частичной гладью белыми цветами, а затем простегано. В вышивке использовались разные несчетные швы и накладные сетки. Набито оно было расчесанной шерстью, так называемой «волной», и было теплым и легким.

О роскошном одеяле монастырской работы с выстеганными лебедями мне рассказывала старая соседка, когда-то девушкой жившая в Вознесенском монастыре. Она считала такой рисунок своего рода «высшим пилотажем» этого мастерства. В 1960-е годы старушка в огромных пальцах умело перестегивала рваные одеяла

заказчиц. Ее комната была так мала, что стегала она в сарае или, в хорошую погоду, во дворе. Но работа выполнялась летом не только из-за отсутствия теплой мастерской. Просто тогда в большинстве семей запасных теплых одеял не было. Зимой же было не до их красот, лишь бы грели. Приобретенное в молодости монастырское ремесло кормило соседку до ее последних дней.

Так как искусство ручной стежки уже забылось, приведу некоторые детали известной мне с детства «вприглядку» технологии. Предварительно на полу расстилалась скроенная с запасом ткань подкладки. На нее выкладывали и тщательно равняли слой набивки. Потом накрывали верхней тканью, запас которой по бокам делался шире, чем у подкладки. Затем мастерица прометывала все слои от центра к углам и пересекала перпендикулярами. Далее подготовленное полотнище фиксировалось в огромных пальцах, располагавшихся горизонтально на подставке. Контрастной ниткой намечался основной контур узора. Мелкие детали стегали «на глазок».

Современные рукодельницы перешли от русской стежки одеял к американскому пэчворку, выполняющемуся на швейной машинке. Узор в нем образуется непрерывными жесткими машинными швами. Фабричные стеганые одеяла ныне разбиты на большие квадраты, в которых быстро сбивается набивка. У монастырского одеяла растительный узор образовывался складками и углублениями на однотонной ткани, которые формировались не только с помощью непрерывного мягкого ручного шва, но и редкими стежками. Стегали от центра к краям. Применялись швы «за иголку», «вперед иголку», «козлик», «звездочка», «тамбурная елочка». Одиночные разбросанные стежки для лучшей фиксации набивки одеяла называли «накрапом», уподобляя их каплям дождика. Левая рука стегальщицы подавала иглу снизу, правая опускала ее сверху. Наперстки надевались на средние пальцы обеих рук. Проколы должны были быть строго вертикальными. У этих одеял набивка не съезжала и не сбивалась, а полотнище оставалось мягким. После выполнения намеченных узоров одеяло вынимали из пальцев и заделывали края. Только после этого выдергивали наметку. Искусная стегальщица как бы рисовала узор иголкой с ниткой. В Тамбове были распространены одеяла с выстеганными мотивами крупных цветов, чаще роз.

Главной особенностью монастырских рукоделий в России считались хороший вкус и безупречная чистота исполнения любых технологических хитростей. На них всегда был спрос не только у церковных лиц, но и у горожан и зажиточных крестьян. Считалось, что залогом мастерства была искренняя молитва. Красота работ Вознесенских насельниц через десятилетия ассоциируется, наверное, со светом угасших звезд. Но так как создавали ее руки, то возможно и возрождение традиций уже другими молодыми руками благодарных потомков, ведь иголка и нитка – древнейшие и неизменные орудия женского труда.